

УДК 327

ФЕНОМЕН НЕДРУЖЕСТВЕННОГО МУЛЬТИЛАТЕРАЛИЗМА ВНУТРИ «КОЛЛЕКТИВНОГО» ЗАПАДА

© 2023 ТРУНОВ Филипп Олегович*

Кандидат политических наук

*Ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН
117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21*

**E-mail: ltrunov@mail.ru*

Поступила в редакцию 07.11.2022

После доработки 23.12.2022

Принята к публикации 09.02.2023

Аннотация. В статье осмыслена эволюция фактора многосторонности в политической сфере на примерах мультилатерализма недружественного характера. Внимание обращено не на восприятие Запада и не-Запада, а на ситуацию внутри первого. Форматы *AUKUS* и *Partners in the Blue Pacific* нацелены не только на сдерживание КНР, но и показывают стремление США и Британии ограничить процесс стратегического закрепления ФРГ и Франции в Индо-Тихоокеанском регионе. Основная причина этой тенденции проявляется в обеспокоенности ядром Запада в лице англо-саксонских держав ростом стратегической автономности полупериферии Евро-Атлантического сообщества. Направляющую роль в ней играет не только Франция, но и объединенная Германия, отошедшая от положения периферии. В этой связи рассмотрено учащение переходов США от лидерства к гегемонии – жесткой и мягкой. Раскрыт характер подхода ФРГ к наделению ЕС стратегической автономией вместе с европеизацией НАТО в различных проявлениях. Отмечено отсутствие примеров недружественного мультилатерализма со стороны Берлина и Парижа по отношению к западным партнерам.

Ключевые слова: многосторонность, лидерство, гегемония, форматы, мир-система, Евро-Атлантическое сообщество, США, Британия, Германия

DOI: 10.31857/S0201708323020067

EDN: oupgdf

В современных реалиях многосторонность все более распространена и востребована в международной практике. Созвучным, а во многих случаях синонимичным понятием является мультилатерализм. Его принято ассоциировать прежде всего с Евро-Атлантическим сообществом¹ [Maull, 2020]. Органичная готовность действовать в мультилатералистической парадигме преподносится как одна из важнейших ценностей политической культуры либеральных демократий. Например, заявления и действия Вашингтона при администрации Д. Трампа или Лондона в ходе брежзита критиковались в идеологическом плане как отход от приверженности мультилатерализму в пользу унилатерализма². По определению мультилатерализм институционализирован, т. е. основан на механизме многосторонних соглашений, производной которых являются профильные международные структуры. В Евро-Атлантическом сообществе Евросоюз и Североатлантический альянс позиционируются наиболее продвинутыми в наднациональном качестве (ЕС) и как объединение национальных государств (НАТО).

Мультилатерализм должен обеспечивать преимущества и привилегии для всех вовлеченных игроков (прежде всего государств), а значит и соразмерный учет объективно существующих национальных интересов стран-участниц. Если многосторонность используется преимущественно для нужд одного актора или узкой группы, т. е. для обеспечения гегемонии, то мультилатерализм является ложным. Переход к нему происходит при кардинальной смене приоритетов соответствующей структуры с многосторонним участием. Наиболее иллюстративный пример – деформация учета интересов значительной части европейских государств-членов НАТО в условиях резкого ужесточения подхода к сдерживанию РФ на фоне специальной военной операции на Украине (СВО).

Использование понятия «мультилатерализм» Евро-Атлантическим сообществом осуществляется вместе с нарастающей критикой стратегических многосторонних инициатив незападных игроков. Реализация принципа мультилатерализма последними отличается формами (обычно отсутствует характерная для либеральных демократий ценностная надстройка), однако имеет такое же право на существование и доказывает свою состоятельность³. Противодействие этой тенденции со стороны игроков «коллективного» Запада с использованием многостороннего

¹ Под Евро-Атлантическим сообществом в статье понимается совокупность государств-членов ЕС и/или НАТО; под «коллективным» Западом – более широкая общность игроков, связанных тесным стратегическим партнерством с США и Британией (Австралия, Новая Зеландия, Япония, с оговорками Южная Корея).

² Rede von Bundeskanzlerin Merkel zur 55. Münchner Sicherheitskonferenz am 16. Februar 2019 in München. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-zur-55-muenchner-sicherheitskonferenz-am-16-februar-2019-in-muenchen-1580936> (дата обращения: 01.02.2023).

³ Ответы Министерства иностранных дел РФ на вопросы СМИ, поступившие к пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2022 году. МИД РФ. 30.01.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1850908/ (дата обращения: 01.02.2023).

потенциала можно обозначить как недружественный мультилатерализм. Он отчетливо проявился в условиях развития конфронтации либеральных демократий с ведущими незападными державами – Россией, Китаем, а также Ираном в ближайшей перспективе.

При обращении к феномену недружественного мультилатерализма существуют естественные пределы. Чем чаще (количество эпизодов, т. е. вовлечение конкретного актора в привязке к конкретному многостороннему формату) в процесс сдерживания вовлекаются акторы, которые относятся к «коллективному» Западу условно или не могут быть отнесены к этой категории, и чем их больше, тем более распространенным будет ложный мультилатерализм. Заметна также другая тенденция: недружественный мультилатерализм с ведущим участием государств-членов Евро-Атлантического сообщества стимулирует зеркальную реакцию – увеличение числа проявлений рассматриваемого феномена, вынужденно направленного против них, т. е. институционализация «коллективного» не-Запада или «мирового большинства»¹. Если в краткосрочной перспективе данная тенденция не столь заметна (вследствие меньшего наработанного опыта по выстраиванию альтернативных Западу многосторонних структур), то в долгосрочной она будет больше выражена.

В контексте рассмотрения недружественного мультилатерализма также возникает вопрос о возможности его возникновения в рамках отношений между государствами-членами Евро-Атлантического сообщества. На первый взгляд, рассматриваемый феномен не должен проявляться, т. к. в принятии и претворении на практике решений, особенно по чувствительным вопросам, либеральные демократии стремятся подчеркнуть коллективность Запада и способность демонстрировать консенсус. Последний обосновывает легитимность предпринимаемых действий. Однако это не объясняет увеличение количества форматов, в т. ч. паллиативных структур, закрытых по составу, т. е. с участием ограниченного круга государств-членов Евро-Атлантического сообщества (обычно от трех до пяти). Направляющую роль в них, как правило, играют США и Британия – основоположники концепции образования и функционирования Евро-Атлантического сообщества. Вместе с трампизмом и брекзитом увеличение числа форматов отражает фрагментацию внутри сообщества либеральных демократий. Прежде всего она обусловлена поиском более эффективных форм сдерживания незападных держав (в первую очередь РФ и КНР). Однако создаваемые структуры могут представлять примеры недружественного мультилатерализма одних игроков «коллективного» Запада по отношению к другим. Например, важнейшая задача возникшего 15 сентября 2021 г. объединения *AUKUS* (Австралия, Британия, США) – сдерживание КНР, но его создание вызвало негативную реакцию Франции [Рубинский, Фёдоров, 2021: 6–8] и сдержанно-настороженную Германию [Арзаманова, 2021: 265]. Новый формат воспринимается державами германо-французского тандема как фактор ограничения стратегического влияния в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). Схожую с *AUKUS* направленность с

¹ Термин «коллективный не-Запад» характерен для научных школ в РУДН (направление, возглавляемое Д.А. Дегтеревым) и МГИМО (У) МИД РФ (исследования под руководством Т.А. Алексеевой), а «мировое большинство» – для НИУ ВШЭ (введен С.А. Карагановым).

высокой вероятностью приобретет формат *Partners in the Blue Pacific (Blue Pacific Alliance)*¹ (2022).

Задача статьи – исследовать детерминированность и особенности проявлений недружественного мультилатерализма в политической сфере на пространстве «коллективного» Запада в конце 2010-х – начале 2020-х гг. В работах отечественных и зарубежных авторов возросло внимание к тематике многосторонности применительно к либеральным демократиям [Арзаманова, 2022; Истомин, 2017; Brozus, Shulman, 2022; Dossani, 2022]. Вместе с тем в заявленном ракурсе данная проблематика освещена слабо. Статья восполняет этот пробел на основе положений мир-системной теории, методов сравнительного анализа и ивент-анализа.

ИТР: востребованный потенциал создания военно-политических структур ядром Запада

Для объяснения позиционирования структур *AUKUS* и *Blue Pacific Alliance* в ИТР применяется схема мир-системного анализа [Валлерстайн, 2001] к «коллективному» Западу и Евро-Атлантическому сообществу. Конкретные государства отнесены к той или иной части мир-системы с учетом прежде всего политических и военных аспектов, а также географического положения страны.

Системообразующий компонент ядра для лагеря либеральных демократий в целом, а также западной (Евро-Атлантическое сообщество) и восточной части по отдельности традиционно представляли США. К этой категории также должны быть отнесены англо-саксонские страны, однако по состоянию на середину 2010-х гг. в полной мере это утверждение справедливо по отношению к Британии, в меньшей степени – к Австралии и Канаде, в малой – к Новой Зеландии. Последние тяготели к ядру, но институционально были встроены в него не полностью (Оттава – через членство в НАТО; Канберра и Веллингтон – через АНЗЮС, имеющий статус основного союзника США вне НАТО).

Евро-Атлантическое сообщество традиционно характеризуется высоким уровнем институционализации отношений как внутри ЕС и НАТО, так и вне их. Напротив, степень структурированности многосторонних контактов в восточной части «коллективного» Запада, т. е. группы либеральных демократий в ИТР, была существенно ниже. Это обусловлено наличием двусторонних связей между каждым из них с США и в меньшей степени с Британией. Соответственно, часть Запада, расположенная в ИТР, содержала потенциал для создания новых структур или реформирования старых (по инициативе англо-саксонских держав со строго селективным определением круга стран-участниц). В период, предшествующий холодной войне, инициатором создания военно-политических форматов выступала Австралия (АНЗЮС с 1951 г. и АНЗЮК в 1971–1975 гг.). Новая волна интереса к реализации указанного потенциала возникла в конце 2010-х гг. К этому относится не только образование *AUKUS* и *Blue Pacific Alliance*, но также активизация использо-

¹ Партнеры в Тихоокеанском регионе. – Прим. ред.

вания *Quadrilateral Security Dialogue (QUAD)*¹ [Dossani, 2022]. Направляющую роль стали играть не столько Канберра, сколько Лондон и Вашингтон.

Изменения обусловлены, во-первых, развитием с середины 2010-х гг. холодной войны между США и группы их региональных партнеров с КНР. Зародившаяся в президентство Б. Обамы конфронтация вышла на новый уровень при Д. Трампе, лишь усилившись при Дж. Байдене. Это предопределило интерес США и Британии к стратегической перегруппировке сил с участием других англо-саксонских стран [Васильев 2022: 241, 250–252] и Японии. Проявлениями стали дополнительная институционализация политического сотрудничества и повышение взаимосвязанности вооруженных сил (ВС), особенно внутри *AUKUS*. Планируемые к постройке для Канберры атомные подводные лодки в неядерной конфигурации могут ее заменять [Ермаков, 2022]. Планы по развертыванию на севере Австралии бомбардировщиков США, способных нести ядерное оружие², заметно увеличили ее встроенность в ядро Запада.

Во-вторых, для Вашингтона и Лондона это ценный способ компенсации частичной утраты влияния в Евро-Атлантическом сообществе в пользу Германии и Франции. Создание *AUKUS* и *Blue Pacific Alliance* заметно приблизило к США и Британии именно тех игроков (Австралию и Японию), углубление сотрудничества с которыми рассматривалось как опора для стратегического упрочения позиций Парижа и проникновения Берлина на Дальний Восток. Эта задача также решалась США активизацией обращения к *QUAD* не только для Канберры и Токио, но и Индии. Например, взаимодействие Берлина с Нью-Дели, в т. ч. в формате межправительственных консультаций в сфере безопасности и обороны, в основном сведено к экспорту вооружений из Германии³. Не случайно создание *AUKUS* (сентябрь 2021 г.) совпало по времени с военно-дипломатической миссией фрегата ВМС ФРГ «Бавария» в ИТР (сентябрь – ноябрь 2021 г.)⁴. Эта мера рассматривалась Берлином не только как демонстрация флага, а как значимый шаг к созданию (с Австралией) и совершенствованию (с Японией) системы стратегических партнерств в регионе⁵. *AUKUS* и *Blue Pacific Alliance* должны задать новые рамочные условия для указанных диалогов Германии: их развитие становится затруднительным без учета позиций США и Британии. Это может оказаться вдвойне болезненно для ФРГ на фоне завершения брекзита (но вовсе не вызванных им разногласий между Соединенным

¹ Четырехсторонний диалог по безопасности. – Прим. ред.

² СМИ: США разместят в Австралии бомбардировщики, способные нести ядерное оружие. Коммерсант. 31.10.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5645022> (дата обращения: 01.11.2022).

³ Partnerschaft vertiefen und verstetigen. Bundeskanzleramt. 31.10.2019. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/indienreise-kanzlerin-1687042> (дата обращения: 01.11.2022).

⁴ Indo-Pacific Deployment 2021. Bundeskanzleramt. 03.02.2022. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-2021> (дата обращения: 01.11.2022).

⁵ Там же.

королевством и ЕС [Ананьева, Годованюк 2021: 15–18]), возможного нового президента Д. Трампа или идейно близкого ему политика.

Вероятное ужесточение конфронтации с КНР потребует от США поиска дополнительных ресурсов, которые они могут получить и от внешних партнеров. Администрация Д. Трампа уже проявляла интерес к подключению сил и средств континентальных европейских стран-участниц НАТО к противодействию Китаю в ИТР. Эта линия продолжена при Дж. Байдене: в отличие от предшественника, он встретил поддержку со стороны германо-французского тандема¹. На Мадридском саммите Альянса (28–30 июня 2022 г.) противодействие Китаю было поставлено на третье место в списке приоритетов в деятельности НАТО². Вместе с тем декларирование де-юре не отменяет вопроса об определении объема практического вклада, особенно для Германии и Франции. Объективные трудности создавал медленный характер восстановительного роста их ВС (прежде всего численности личного состава)³ вместе с выделением существенного объема сил и средств на комплектование группировок внутри зоны ответственности НАТО в Европе. Однако важнее, что в начале 2020-х гг., а тем более в конце 2010-х гг., ни Берлин, ни Париж не были готовы к форсированному ухудшению отношений с Китаем. Например, в 2014 г. ФРГ пошла на заморозку формата межправительственных консультаций с РФ, а с КНР он продолжал функционировать⁴. Явный контраст представляло направление фрегата в ИТР и резервирование сил «тяжелой» дивизии в 15 тысяч военных, 60 самолетов и 20 кораблей для ротационного комплектования сил передового развертывания (СПР, т. е. без учета сил быстрого реагирования, СБР) альянса⁵. Постановка США перед Германией и Францией вопроса о таком же уровне (качественном и количественном) проявления трансатлантической солидарности в сдерживании КНР возможна только в отдаленной перспективе. Механизмами стимулирования Берлина и Парижа к корректировке их линии являются *AUKUS* и *Blue Pacific Alliance*.

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Macron anlässlich des Deutsch-Französischen Verteidigungs- und Sicherheitsrates. Bundeskanzleramt. 05.02.2021. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-macron-anlaesslich-des-deutsch-franzoesischen-verteidigungs-und-sicherheitsrates-am-5-februar-2021-1851512> (дата обращения: 01.11.2022).

² NATO 2022 strategic concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. Brussels. NATO HQ. 2022. P. 3.

³ Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2022). Communiqué PR/CP (2022)105. NATO: Public Diplomacy Division. 2022. P. 8, 12.

⁴ Dialog fortsetzen und Zusammenarbeit erweitern. Bundeskanzleramt. 28.04.2021. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/deutschland-china-1898686> (дата обращения: 01.11.2022).

⁵ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz nach dem NATO Gipfel am 30. Juni 2022 in Madrid. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-nach-dem-nato-gipfel-am-30-juni-2022-in-madrid-2059018> (дата обращения: 01.11.2022).

Усиление полупериферии Евро-Атлантического сообщества как основная причина недружественного мультилатерализма

Детерминированность рассматриваемого феномена лежит прежде всего в глубоких изменениях баланса влияния между державами лагеря либеральных демократий. Масштабное расширение НАТО и ЕС с 1990-х гг. привело к качественному изменению состава периферии Евро-Атлантического сообщества. Теперь ее образуют страны Восточной Европы, включая республики Балтии, а также игроки на постъюгославских территориях, т. е. массив субъектов постсоциалистического пространства. Географически к передовой части Запада может быть также отнесена Норвегия и группа южноевропейских государств, включая Италию. Восточноевропейская часть периферии особенно с середины 2010-х гг. сфокусирована на противодействии «российскому вызову» (трактуемому на Западе как классический, т. е. содержащий военно-силовую компоненту). Южноевропейская – на отражении экзистенциальных неклассических угроз безопасности (прежде всего распространение структур международного терроризма и массовая неконтролируемая миграция). Их пик пришелся на 2015–2016 гг. Турция может быть отнесена к периферии лишь с большой долей условности. Особая позиция в НАТО – производная державных амбиций Анкары, которые на современном этапе имеют иную социокультурную природу (паносманизм, пантюркизм, панисламизм), чем у либеральных демократий [Шлыков, 2020: 114–120].

Эстафета в сдерживании «российской угрозы» (ранее – советской) перешла к новому составу периферии. В отличие от предшествующей холодной войны, уже не ФРГ, а восточноевропейские государства-члены НАТО, во-первых, лидировали по скорости прироста основных параметров «военных машин»¹; во-вторых, декларировали повышенный интерес к размещению на своей территории как многосторонних сил НАТО с участием англо-саксонских держав, так и параллельно военных США². Напротив, ФРГ наращивала военную мощь плавно, до относительно меньших значений³. Различия объективно детерминированы тем, что к ХХI в. Германия стала частью полупериферии Евро-Атлантического сообщества.

В 1950–1980-е гг. к полупериферии можно было отнести только государства Бенилюкс и Францию. Нахождение на полупериферии Пятая республика подтверждала особым прочтением вопросов национального суверенитета [Фёдоров, 2019]. В случае НАТО показательны ее отсутствие в его военных структурах (1966–2009 гг.) и ужесточение критики на фоне трампизма⁴. Одновременно для Франции характерна повышенная инициативность в вопросе создания военного потенциала

¹ Defence Expenditure of NATO Countries (2014-2022). P. 8, 12.

² Increasing the US military presence in Poland. Republic of Poland. Ministry of National Defence. 2022. URL: <https://www.gov.pl/web/national-defence/increasing-the-us-military-presence-in-poland> (дата обращения: 01.11.2022).

³ Там же.

⁴ «Смерть мозга»: Макрон поставил НАТО диагноз и предостерег Россию от дружбы с Китаем. ТАСС. 08.10.2019. URL: <https://tass.ru/opinions/7094512> (дата обращения: 01.11.2022).

Западноевропейского союза («план Плевена» 1952 г.), а в последующем – ЕС (проекты Э. Макрона 2017–2018 гг. по созданию европейской армии) [Сидоров, 2020: 140–146].

К началу XXI века полупериферия Евро-Атлантического сообщества заметно расширилась. В нее вошла группа центрально- и североευропейских стран, имевших ту или иную степень нейтралитета (Австрия, Швеция, Финляндия). Ключевым стало изменение положения ФРГ. В 1998–1999 гг. она утвердилась как региональная держава (участие в бомбардировках Югославии, перенос столицы в Берлин), а с начала XXI века стала примерять на себя роль полновесного глобального игрока. Группа ведущих западных демократий стала тетрархией, имея по две англо-саксонские и континентальные западноевропейские державы. Таким образом, два центра, притом один из них заметно сильнее, приобрело не только «ядро», но и полупериферия, что вело к изменению баланса между ними.

Проявлением этого стала неготовность Берлина идти на боевое применение сил бундесвера в ходе инициированных другими западными державами военно-политических кризисов вокруг Ирака (2003 г.), Ливии (2011 г.) и Сирии (2013 г.). В отличие от ситуации с запуском первой западной антитеррористической коалиции (осень 2001 г.), когда ФРГ даже в большей мере, чем США, поддерживала использование механизма НАТО¹, в случае второй, созданной для борьбы с Исламским государством (ИГ)² на сирийско-иракском направлении в сентябре 2014 г., Германия и Франция были против подключения альянса до весны 2018 г.³ При этом масштаб вовлеченности НАТО в решение «иракской проблемы»⁴ был несоизмерим с сохранявшимся (по линии миссии *Resolute Support*⁵) в Афганистане⁶. В 2005 г. в речи Г. Шредера был впервые поставлен вопрос о полном выводе войск США⁷, а попытки давления Д. Трампа на ФРГ с помощью угрозы резкого сокращения военного присутствия на ее территории не дали результата.

Вместе с тем, в сравнении с Францией, Германия в большей степени опасалась спадов в отношениях с США. Важную роль здесь играл исторический опыт: длительное пребывание на периферии (с 1949 г. до середины 1990-х гг., когда завер-

¹ The Bundeswehr on operations. Berlin. Federal Ministry of Defence. 2009. P. 76.

² Организация признана террористической и запрещена в РФ. – *Прим. ред.*

³ Antrag der Bundesregierung. Einsatz bewaffneter deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks. Deutscher Bundestag. 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1093. 07.03.2018. S. 4–5.

⁴ Там же.

⁵ Операция «Решительная поддержка». – *Прим. ред.*

⁶ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan. Deutscher Bundestag. 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1094. 07.03.2018. S. 4.

⁷ Rede des Bundeskanzlers der Bundesrepublik Deutschland auf der 41. Münchner Konferenz für Sicherheitspolitik. AG-Friedensforschung. 12.02.2005. URL: <http://www.ag-friedensforschung.de/themen/Sicherheitskonferenz/2005-schroeder.html> (дата обращения: 1.11.2022).

шился вывод советских войск с территории бывшей ГДР). Влияние США и англо-саксонских стран в целом на Западную Германию было значительным и проявлялось во всех областях жизни общества и государства. Значима и традиционная для ФРГ высокая степень преемственности внешней политики: в ее основе продолжали лежать императивы, заложенные еще канцлером К. Аденауэром – приверженность мультилатерализму; «растворение», особенно в военном плане, в многосторонних усилиях партнеров по Евро-Атлантическому сообществу. В этой связи германский истеблишмент считал мягкое лидерство США важным условием реализации ФРГ державных амбиций.

США последовательно поддерживали амбиции Берлина до середины 2000-х гг., когда рост влияния Германии, хотя и зигзагообразный, но в целом поступательный, – в восприятии Белого дома начал становиться угрозой для его ведущих позиций. Такой подход основывался на логике игры с нулевой суммой: ФРГ как новый (дополнительный) центр притяжения в Евро-Атлантическом сообществе считался во многом альтернативным США. Стремление не допустить усиления конкурентных преимуществ направляющего игрока полупериферии выступило значимой причиной разворота Белого дома от лидерства к гегемонии. В тех случаях, когда она была жесткой, то включала, во-первых, ослабление диалога США с Германией и Францией, во-вторых, резко ускорявшееся сближение ядра с периферией. Эта схема проявилась при Дж. Буше-младшем (в 2003–2005 гг.) и особенно в президентство Д. Трампа (2017–2021 гг.). Закономерной реакцией стало углубление сотрудничества внутри полупериферии, особенно германо-французского тандема в рамках неприятия применения силы в отношении Ирака (2003 г.) и запуска Постоянного структурированного сотрудничества (ПСС) (2017 г.).

Трампизм вслед за брекзитом стал жесткой реакцией на ослабление позиций англо-саксонских держав в Евро-Атлантическом сообществе. Однако результат, особенно в ценностно-информационном плане, разошелся с ожиданиями: трактуя брекзит и трампизм как отход в пользу унилатерализма от мультилатерализма, Германия взяла на себя функции защитницы последнего. Примерами стали запуск «Альянса в поддержку мультилатерализма» (август 2018 г.) [Mauil, 2020: 5] и публикация «Белой книги по мультилатерализму» (май 2021 г.)¹. Тем самым ФРГ небезуспешно пыталась идеологически потеснить США и Британию с места традиционных апологетов ценностей либеральной демократии.

Администрация Дж. Байдена, действуя в согласии с официальным Лондоном, существенно усовершенствовала тактику: декларируя приверженность мультилатерализму, она стала умело подстраивать использование этого принципа под свои интересы. Например, в апреле 2021 г. США сообщили Германии и континентальным европейским партнерам по НАТО об уже принятом решении экстренно вывести войска из Афганистана – выполнении сделки с движением «Талибан»², заключенной при Д. Трампе. На украинском направлении до начала специальной военной

¹ A Multilateralism for the People. Federal Government White Paper. Berlin. Federal Government. 2021. 152 p.

² Признано террористическим и запрещено в РФ. – *Прим. ред.*

операции РФ и на ее фоне наблюдалось оттеснение США и Британией германо-французского тандема от контроля над ситуацией и одновременно стимулирование Парижа и особенно Берлина к поставкам вооружений и военной техники. Эту линию США уместно обозначить противоречивым на первый взгляд понятием «мягкая гегемония». Стратегически оно означает последовательный курс на обеспечение следования игроков полупериферии в фарватере держав ядра, но проводимый в выверенных и аккуратных формах. Проявлением мягкой гегемонии стал запуск *AUKUS* и *Blue Pacific Alliance*.

Поиск контрответа должен осуществляться прежде всего посредством усиления потенциала ЕС. ФРГ последовательно поддерживала развитие этой тенденции, однако ее активность в плане выдвижения инициатив ниже, чем у Франции. Германия была заинтересована в формах укрепления мощи ЕС, которые не могли привести к ослаблению НАТО и возникновению между ними конкуренции. Символом этого стала выработка именно в столице ФРГ формулы «Берлин +» (2002 г.). Тем самым Германия пыталась не допустить ослабления основ трансатлантической солидарности, отхода США от мягкого лидерства и ухудшения восприятия ими ФРГ. Берлин также стремился одновременно к росту активности ЕС и европеизации НАТО. Последнее включало широкий спектр аспектов по подготовке, принятию, реализации различных решений политического и военного характера. На практике это осуществлялось в сочетании роли ФРГ как «рамочного государства» в комплектовании растущего спектра группировок СБР и СПР НАТО и ведущего государства в работе наиболее ценных проектов ПСС. В первом случае речь шла об участвовавшем внесении (в рамках ротации) ключевого вклада в комплектование соединения повышенной боевой готовности СБР НАТО¹ и инициировании наращивания многосторонних батальонных боевых групп СПР альянса до бригадного уровня². Во втором – о проектных комитетах ПСС по созданию «евродрона», выстраиванию единого военно-логистического пространства и гармонизации подготовки сил кризисного реагирования ЕС³.

Подход ФРГ к практическому наделению ЕС стратегической автономией оформился чуть позже, чем у Франции, но был детальнее продуман и обеспечен ресурсной базой. Стратегическая автономия в понимании Германии может быть уподоблена медали. Одна сторона – силы кризисного реагирования (СКР), т. е. модифицированное понимание европейской армии: небольшие многосторонние силы, «заточенные» на использование вовне Евро-Атлантического сообщества, прежде всего в зонах локальных вооруженных конфликтов. Это – «легкие» войска, способные действовать мелкими подразделениями. СКР ЕС по оснащенности, объему, отчасти организации заметно отличались от группировок «тяжелых» войск численностью в

¹ Germany steps up to lead NATO high readiness force. NATO. 01.01.2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_161796.htm (дата обращения: 01.11.2022).

² Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz...

³ Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects – Overview. EU. 16.11.2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/53013/20211115-pesco-projects-with-description.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).

сотни тысяч военнослужащих с массой танков и единиц артиллерии, которые функционировали под эгидой НАТО. Переключение внимания ФРГ извне во внутрь зоны ответственности альянса, которое началось с 2014 г. и усилилось в начале 2020-х гг., открывало широкое окно возможностей для использования СКР ЕС. Другая сторона стратегической автономии – технико-технологическое (совместные разработка и производство вооружений и военной техники), функциональное, управленческое сопровождение многостороннего войскового потенциала. Вторая составляющая должна была опережать в развитии первую, что и осуществлялось ФРГ. Ее успехи в принятии одной из направляющих ролей в наращивании потенциала и направлений его использования для ЕС и НАТО привели во второй половине 2022 г. к обострению спора о лидерстве внутри германо-французского тандема. Разрастание этой проблемы болезненно, однако не означает исчезновения основ взаимной заинтересованности Берлина и Парижа¹. Она во многом обусловлена осознанием важности сохранения тандема на перспективу как стержня дееспособной полупериферии, к которой относятся оба игрока.

Наделение ЕС стратегической автономией должно было порождать примеры недружественного мультилатерализма в Евро-Атлантическом сообществе. Однако де-юре этого не происходило: ПСС открыто для партнеров (под которыми прежде всего понимается Британия), а СКР ЕС умело вписываются в смысле планируемого применения в сферы, где НАТО не хочет и/или не может действовать, особенно в условиях политики сдерживания РФ и КНР. Основная причина заключается в стремлении ФРГ – лидера объединения – обеспечить возвращение США к мягкому лидерству и сохранить потенциал для противодействия гегемонистским устремлениям Белого дома.

* * *

В конце 2010-х гг. – начале 2020-х гг. наблюдалась параллельная консолидация ядра «коллективного» Запада (прежде всего в ИТР). Второй элемент в дихотомии «кооперация – конкуренция» между ними перешел от более открытых форм при Д. Трампе во многом в латентные при Дж. Байдене. Фактор СВО был использован США для дальнейшего укрепления мягкой гегемонии среди либеральных демократий, что проявилось уже весной – осенью 2022 г. Частью этого стали проявления недружественного мультилатерализма в виде *AUKUS* и *Blue Pacific Alliance* в ИТР. В случае, если полупериферия (которая сократится при вступлении Швеции и Финляндии в НАТО) будет готова не только увеличить участие в сдерживании РФ, но и пойти на это в практическом плане в отношении

¹ Schlussfolgerungen des Deutsch-Französischen Verteidigungs- und Sicherheitsrats. Bundeskanzleramt. 22.01.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/992814/2159740/18079de9796b0990cd3e2c14b304e2f5/2023-01-22-dfvsr-data.pdf?download=1> (дата обращения: 01.02.2023)

КНР, указанные структуры перестанут быть недружественными к Германии и Франции. Однако более вероятен, особенно в средне- и долгосрочной перспективе, иной вариант: «стратегическая особость» Берлина и Парижа в условиях холодных войн с КНР и РФ и, как следствие этого, рост проявлений недружественного внутри «коллективного» Запада. Одновременно будет увеличиваться число проявлений ложной разновидности мультилатерализма как производная «продавливания» англо-саксонским ядром дальнейшего наращивания вклада партнеров в сдерживание России и Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арзаманова Т.В. (2022) Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав. *Актуальные проблемы Европы*. № 4. С. 258–284. DOI: 10.31249/ape/2022.04.11

Ананьева Е.В., Годованюк К.А. (2021) Стратегия национальной безопасности Британии: замыслы и воплощение. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 4. С. 12–21. DOI: 10.15211/analytics43020211222

Валлерстайн И. (2001) *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. Университетская книга, Санкт-Петербург. 416 с.

Васильев В.С. (2022) Англосаксонские скрижали нарастающего глобального цивилизационного противостояния. *Актуальные проблемы Европы*. № 4. С. 234–257. DOI: 10.31249/ape/2022.04.10

Ермаков С.М. (2022) Влияние AUKUS на систему международной безопасности. *Проблемы национальной стратегии*. № 1. С. 130–152. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_1_130

Истомин И.А. (2017) Современная западная теория военно-политических альянсов: допущения и лакуны. *Международные процессы*. № 4. С. 93–114. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.6

Рубинский Ю.И., Фёдоров С.М. (2021) «Кризис подводных лодок» и его возможные последствия. *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 4. С. 4–11. DOI: 10.15211/analytics42920210511

Сидоров А.С. (2020) «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей. *Актуальные проблемы Европы*. № 4. С. 137–169. DOI: 10.31249/ape/2020.04.07

Фёдоров С.М. (2019) Вопросы национального суверенитета в современном политическом дискурсе Франции. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 1. С. 11–16. DOI: 10.15211/vestnikieran120191116

Шлыков П.В. (2020) Между США, Европой и Евразией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции. *Актуальные проблемы Европы*. № 1. С. 110–135. DOI: 10.31249/ape/2020.01.06

Brozus L., Shulman N. (2022) *Multilateral cooperation in times of multiple crises*. SWP-Comment. No. 47. P. 1–6. DOI: 10.18449/2022C47

Dossani R. (2022). Is There a Future for Multilateralism? *RAND-Corporation*. 04.04. URL: <https://www.rand.org/blog/2022/04/is-there-a-future-for-multilateralism.html> (дата обращения: 01.11.2022).

Maull H.M. (2020). *Multilateralism. Variants, potential, constraints and conditions for success*. SWP-Comment. No. 9. P. 1–8. DOI: 10.18449/2020C09

The Phenomenon of Unfriendly Multilateralism Inside the “Collective” West

Ph. O. Trunov*

Candidate of Sciences (Politics)

Leading Research Associate, Department of Europe and America, INION RAS

51/21, Nahimovskij prospect, Moscow, Russia, 117418

***E-mail:** *ltrunov@mail.ru*

Abstract. The article examines the evolution of multilateralism on the examples of its unfriendly variety in political sphere. The study focuses not on the relations between the West and non-West, but on the situation inside the former. The examples of unfriendly multilateral structures are AUKUS and the Partners in the Blue Pacific. They are aimed not only at containing China but also at limiting the strategic penetration of Germany and France in the Indo-Pacific region. Concentrating on these examples, the article explores the key reason for the tendency, using the concept of the world-system theory for Euro-Atlantic community and the “collective” West. The core of Anglo-Saxon countries led by the USA and the UK has been strongly concerned of the growing strategic autonomy of the semi-periphery. Its key elements are France and Germany. The study demonstrates the differences between leadership styles, hard and soft hegemony in the US foreign policy as a reaction to the relations between the core and the semi-periphery. It also covers German approach to the EU strategic autonomy in conjunction with Europeanization of NATO and its activities in various fields. One of the conclusions is the absence of examples of unfriendly multilateralism toward the Western partners in policy of key semi-periphery actors.

Key words: multilateralism, leadership, hegemony, formats, world-system, Euro-Atlantic community, USA, UK, Germany

DOI: 10.31857/S0201708323020067

EDN: oupgdf

REFERENCES

- Ananieva E., Godovanyuk K. (2021) Strategija nacional'noj bezopasnosti Britanii: zamysly i voploshhenie [UK national security strategy], *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 4, pp. 12–21. DOI: 10.15211/analytics43020211222 (In Russian).
- Arzamanova T.V. (2022) Otdel'nye aspekty strategicheskogo planirovanija Germanii v Indo-Tihookeanskom regione v uslovijah vozvrashhenija sopernichestva velikih derzhav [Some aspects of German strategic planning in Indo-Pacific region facing the return of great power rivalry], *Aktual'nye problemy Evropy*, 4, pp. 258–284. DOI: 10.31249/ape/2022.04.11 (In Russian).
- Brozus L., Shulman N. (2022) *Multilateral cooperation in times of multiple crises*, SWP-Comment, 47, pp. 1–6. DOI: 10.18449/2022C47
- Dossani R. (2022) Is There a Future for Multilateralism? *RAND-Corporation*, 04.04. URL: <https://www.rand.org/blog/2022/04/is-there-a-future-for-multilateralism.html> (accessed: 01.11.2022).

Ermakov S.M. (2022) Vlijanie AUKUS na sistemu mezhdunarodnoj bezopasnosti [AUKUS'S influence on the system of international security], *Problemy nacional'noj strategii*, 4, pp. 130–152. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_1_130 (In Russian).

Fyodorov S.M. (2019) Voprosy nacional'nogo suvereniteta v sovremennom politicheskom diskurse Francii [Issues of National Sovereignty in the Modern Political Discourse of France], *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, 1, pp. 11–16. DOI: 10.15211/vestnikieran120191116 (In Russian).

Istomin I.A. (2017) Sovremennaja zapadnaja teorija voenno-politicheskikh al'jansov dostizhenija i lakuny [Western theory of international military alliances the state of the discipline], *Mezhdunarodnye process*, 4, pp. 93–114. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.6 (In Russian).

Maull H.M. (2020) *Multilateralism. Variants, potential, constraints and conditions for success*. SWP-Comment, 9, pp. 1–8. DOI: 10.18449/2020C09

Rubinskij Ju.I., Fyodorov S.M. (2021) “Krizis podvodnyh lodok” i ego vozmozhnye posledstvija [The “submarine crisis” and its possible consequences], *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, 4, pp. 4–11. DOI: 10.15211/analytics42920210511 (In Russian).

Sidorov A.S. (2020). “Evropejskaja oborona” cherez prizmu francuzskih interesov i vozmozhnostej [European Defence through the prism of France's interests and capabilities], *Aktual'nye problemy Evropy*, 4, pp. 137–169. DOI: 10.31249/ape/2020.04.07 (In Russian).

Shlykov P.V. (2020). Mezhdou SShA, Evropoj i Evraziej: transformacija vneshnepoliticheskikh prioritetov Turcii [Between the US, the EU and Eurasia: transformation of foreign policy priorities of Turkey], *Aktual'nye problemy Evropy*, 1, pp. 110–135. DOI: 10.31249/ape/2020.01.06 (In Russian).

Vallerstajn I. (2001). *Analiz mirovyh sistem i situacija v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world], Universitetskaja kniga, Saint Petersburg, Russia. (In Russian).

Vasil'ev V.S. (2022). Anglosaksonskie skrizhali narastajushhego global'nogo civilizacionnogo protivostojanija [Anglo-Saxon guidestones of growing global confrontation between civilizations], *Aktual'nye problemy Evropy*, 4, pp. 234–257. DOI: 10.31249/ape/2022.04.1 (In Russian).